
ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

УДК 13
ББК 87.62
К 94

О.И. Кускарова

Рациональность как способ отношения человека к миру.

Ее структура и типология

(Рецензирована)

Аннотация:

В центре внимания данной статьи находится рассмотрение сущности рационального начала в человеческом сознании, его значимости и соотношения с другими формами отношения человека к миру, а также раскрывается структура рациональности и выявляются критерии ее типологизации. Актуальность данной темы обусловлена прежде всего особенностями развития научно-технической цивилизации.

Ключевые слова:

Рациональность, разумность, преднаука, наука, научное познание, научная революция, научная рациональность, иррациональность.

Многозначность понятия рациональности связано не только с контекстом рассмотрения проблемы, но и с оценочным характером самого понятия. Определение чего-либо как рационального отражает не только свойства данного явления, но и отношение к нему. Так, возникшее в Новое время представление о классической науке как эталоне рациональности, предопределило пути осмысления этой проблемы в XX веке, в том числе отождествление научной рациональности с рациональностью вообще. Осознание реального многообразия типов и форм рациональности требует их исторического рассмотрения и типологии. Рациональность выступает в качестве существенной характеристики человеческой деятельности, сознания и научного познания. Поэтому можно сказать, что рациональность является важнейшим проявлением человеческого духовно-практического бытия. Она может быть обобщена до внутренней целесообразности самой культуры. В данном исследовании мы будем исходить из следующего ее определения: рациональность есть особое, основанное на разуме, отношении человека к окружающему миру, предполагающее конструктивные способности сознания и рефлексии над соотношением целей человеческой деятельности и механизмов, обеспечивающих их достижение.

Рациональность, прежде всего, предполагает разумность, причем разумность как теоретическую, так и практическую. Разум не только дает возможность дискурсивного анализа ситуации, но позволяет выработать на его основе систему общезначимых правил, позволяющих достигнуть оптимальных результатов деятельности. Социум не может существовать как биологический организм, само его возникновение связано с появлением норм культуры, предполагающих выход за пределы биологического регулирования жизнедеятельности. Поэтому культура и присущие ей формы рациональности являются необходимым условием функционирования и воспроизводства человеческого бытия.

Анализ становления рациональных форм мышления позволяет понять, что они не сводятся к научно-

логическим. Более того, первоначально возникшие научные формы рациональности сами имеют предысторию в виде становления практической и философской рациональности. Необходимо рассматривать категориально семантические системы в их взаимосвязи с реальным историческим контекстом Эпохи. Рациональность не должна сводиться к содержанию логических принципов мышления, иначе она ограничивается каким-либо одним типом разумности, который провозглашается подлинным. Для избежания такой односторонности анализа и необходим исторический контекст.

Подлинно рациональный путь человеческого развития – это не только рассчитанный, но, прежде всего, нравственный путь, где знание соотносится с человеческими смыслами. Ценностные аспекты здесь не менее актуальны, чем логические. Познание не развивается в рамках одних только рациональных стандартов в обход нерациональных реалий. Современная философская мысль все более склоняется к убеждению в многообразии рациональностей, их исторической обусловленности. Различные виды рациональности – это не альтернативы, а грани единого человеческого разума. Выявляя их специфику, используют понятие «тип» рациональности, подчеркивая, что рациональность имеет целый ряд критериев, ни один из которых не обладает абсолютной значимостью.

Новое понимание соотношения научного и ненаучного предполагает переосмысление понятий рационального и иррационального. У Гегеля впервые эти категории рассматриваются как проявление диалектики рассудка и разума: «... то, что мы называем рациональным, принадлежит на самом деле области рассудка, а то, что мы называем иррациональным, есть скорее начало и след разумности...» [3]. В современной культуре идет поиск новых представлений о рациональности, который позволит преодолеть оценочные смыслы этого понятия, когда рациональное понимается как, безусловно, положительное. Иррациональное постепенно лишается своей отрицательной оценки и понимается как интуитивные грани разума.

Альтернативой рациональности должно быть не иррациональное, а одностороннее понимание рациональности, исключающее мероопределение и целесообразность. Рациональное и иррациональное соотносительны, ни одно из них не может быть определено отдельно. Иррациональное не абсолютно, а выступает таким лишь по отношению к определенным формам рациональности. Последняя, если прибегнуть к категориальному различению классической философии, – не рассудок, а разум. В этом смысле и наука может быть противоразумна вследствие ее негативных социальных последствий.

Понятие типа рациональности должно охватывать как многообразие различных, зачастую несводимых друг к другу проявлений рациональности, так и ее исторически изменяющиеся формы. При этом нужно исходить из определенного инварианта, присущего всем им. В этом случае на первый план выдвигается проблема критериев рациональности. Трудность этого вопроса состоит в том, что сама рефлексия по поводу рациональности и ее критериев также имеет историческую обусловленность. Именно это делает необходимым исследование рациональности как идеи культурного развития.

Рациональность – это часть культурно-исторического и философского самосознания эпохи. Определенные ее формы, которые то или иное философское течение выдвигает в качестве необходимых характеристик мышления, оказываются выражением господствующего отношения в культуре. Уровень охвата рациональности очерчивается при этом выработанными культурой формами самосознания, конституирующими представления о том, что считается разумным в данную эпоху. Это выражается в господствующей в культуре категориальной модели мира с ее ценностно-смысловой структурой, которая определяет ориентацию осмысления реальности. К ней относятся и механизмы организации сознания, с помощью которых человек строит высказывания о бытии. Разум, таким образом, создает ориентации осмысления бытия и механизмы высказывания о нем.

Философская рефлексия пытается схватить основные схемы разумности, функционирующие в культуре и объяснить их в качестве необходимых и всеобщих. Способом осуществления разумности при этом могут быть мифология, художественно-эстетическое восприятие, деятельность по производству ценностей, способы коммуникации, взаимодействия и другие типы деятельности, попавшие в проблемное поле философии. Иначе говоря, каждый исторический тип разумности опирается на соответствующие формы культуры, которые сами изменчивы.

В структуре рациональности как духовно-практического освоения действительности можно выявить три уровня. «Фундамент ее представлен определенными механизмами осмысления бытия, которые вырабатываются в ходе практической деятельности человека и санкционируются нормами культуры и социальными институтами. При этом познание и научное познание выступают как подвиды понимания. Следующим компонентом рациональности являются способы обоснования, доказательств и объяснения полученных знаний, то есть дискурсивный разум. И, наконец, третий уровень структуры рациональности связан с ее демонстрацией в мире. Сюда относятся способы описания, передачи и закрепления знаний.

Здесь рациональность овнешняется, принимает особые формы организации» [4].

Данная структура раскрывает связь рациональности не только со знанием как таковым, но, через деятельность, с понятиями смысла и целеполагания. Рациональность мышления понимается как совокупность механизмов интересубъективного понимания и взаимодействия в рамках человеческого сообщества. В научном познании она ориентируется на поиск истины, в практике – на эффективность. Однако определяющим является организация сознания и деятельности.

Такое понимание рациональности позволяет выявить критерии ее типологизации. Нам представляется обоснованным при выделении исторических типов рациональности исходить из модели исторического развития в целом. Обобщив существующие концепции исторического процесса, можно свести их к трем наиболее распространенным вариантам. Это, во-первых, линейная модель, предполагающая поступательное развитие от низших форм организации социальной жизни к высшим. Вторым вариантом воззрений на исторический процесс можно считать локально-исторический подход. Он настаивает на автономности и несводимости друг к другу различных культурно-исторических образований. И, наконец, третий подход предполагает продуктивный синтез двух предыдущих. Он представлен в многомерной модели исторического процесса, позволяющей сочетать единство и многообразие различных культур. Последняя модель наиболее продуктивна для установления реальных и возможных форм взаимодействия культур и эпох, поэтому может быть положена в основу и для выработки общих констант разумности.

Исходя из многомерной модели исторического процесса необходимо рассмотреть типологии рациональности в двух аспектах: синхроническом и диахроническом. В синхроническом срезе рациональность предстает как способ мышления эпохи, заданный социокультурной средой. В диахроническом – типология фиксирует изменения норм рациональности в рамках какой-либо одной деятельности, происходящие со сменой культурно-исторических эпох. Эта типология будет эффективна как для анализа внутреннего единства конкретно-исторического типа рациональности, включая научные и вненаучные образования, так и при исследовании возможностей их взаимодействия и взаимопонимания.

Итак, современное переосмысление понятия рациональности связано, прежде всего, с открытием ее историчности. На каждом историческом этапе она обнаруживает какие-то новые черты и утрачивает прежние. Обусловлено это тем, что сами схемы рациональности не отвлечены от культурных и социальных реалий, а вплетены в них в качестве необходимого элемента. Историзм рациональности связан с существованием в культуре форм разумности, которые вырабатываются в данный период в виде эффективных механизмов деятельности, коммуникации и мышления на фоне существующих социальных отношений. Отсюда ее сочетания с разумностью, логичностью, целесообразностью и т. д.

Идея рациональности, как и ее отрицание, имеет социальные условия функционирования. Применительно к современности вопрос актуализируется в связи с рацио-

нальностью самой цивилизации, при этом ее сведение только к научным формам приводит к техницизму духа. Необходимо учитывать множество типов рациональности (в науке, поведении, художественном творчестве и т. д.), а также существующие между ними связи и взаимообусловленность. Развитие культуры не сводится исключительно к прогрессу логических форм рациональности, так как при этом отбрасывается существенный элемент иррационального и художественно-эстетического освоения реальности.

Практическая деятельность выступает базисом для становления и развития форм рациональности. Схемы практики в технологическом, коммуникативном и идеологическом модусах фиксируются в сознании и становятся орудием деятельности. Повторяясь и получая санкцию культурно-идеологических институтов, они приобретают аксиоматический характер и имеют прочность предрассудка.

Научное знание как исторически, так и логически вырастает из практической деятельности, ведь уже сам выбор объекта научного исследования должен включать в себя некоторое практическое осознание мира. Наука и практика, при всей сложности своих отношений, всегда взаимосвязаны. «Первоначальное знание, добываемое древним человеком, носит утилитарно-технологический характер. Оно еще не системно, но уже ориентировано на выявление каузальных связей, поскольку технические навыки, имеющие нормативно-инструктивный статус, эффективны только при опоре на подлинные отношения действительности. Накопление технологических представлений о мире способствует прогрессу научных знаний в последующие эпохи» [4].

Итак, исходным базисом формирования идеи рациональности была технология, несмотря на то, что она носила зачастую магический характер. По мере усложнения и дифференциации производственной деятельности конституировались различные типы материальной культуры и формы духовного освоения мира. Разнообразные виды деятельности диктовали свои модели действительности, соответствующий образ жизни и мироотношение. Возникающее таким образом многообразие представлений о сущности и свойствах человеческого разума имело, тем не менее, и инвариантное содержание. За счет него осуществляется переход к символическим формам осмысления действительности, оперированию знаками, имеющими интерсубъективное значение. Знак выступает способом организации и ориентации человеческого сознания. Мышление в коммуникативной сфере становится языковым. Постепенно конституируется сфера духовности, происходит становление рационального мышления.

Как проблема духовно-теоретического плана, рациональность осознается в контексте методологического сознания эпохи. Она состоит в разработке и обосновании путей, средств и форм разумной деятельности мышления, которое противопоставляется хаотическому движению мысли, подверженной эмоциональным импульсам и догматическим структурам верований. Существует множественность логик, как в историческом плане, так и в современном» поскольку человек пользуется различными практическими логиками, если оказывается в несхожих друг с другом ситуациях. Но это не снижает значимости

логического инструмента как средства интерсубъективного мышления. Другое дело, что эти законы функционируют на идеализированном уровне теоретических абстракций, тогда как в сфере практического сознания они проявляются как нормы часто в неосознанном виде.

Вопрос об истоках логической рациональности – это вопрос об истоках самой философии, которая впервые положила разум в собственное основание. Мифологии и религии не чужда разумность в широком смысле слова, но разум не является главным и единственным средством их самореализации. Поэтому для прояснения вопроса о становлении научной рациональности необходимо обратиться к анализу античного рационализма.

В античности происходит формирование так называемой преднауки как типа рациональности, основанного на систематическом обосновании знания. В это время была открыта способность мышления работать с идеальными объектами, воспринятая впоследствии новоевропейской наукой. При всей насыщенности мифологией, античная философия переключает внимание на истинно сущее и апеллирует к понятию, логике.

Характерной чертой античного рационализма следует считать формирование культуры дефиниции, предполагающей превосходство понятий над чувственными образами, рефлексии над обыденным опытом. Начиная с Аристотеля, рациональность получает новое понимание. Она связывается со свойством рассуждений, благодаря которым возможно описание реальности с единой точки зрения. Необходимо подчеркнуть, что при всех перечисленных способах трактовки рациональности, она имеет нравственное измерение. Сам Аристотель подчеркивает, что мышление как выявление причин вещей служит лишь средством определения целей человеческой деятельности. Он отмечает: «И наука, в наибольшей мере главенствующая... – та, которая познает цель, ради которой надлежит действовать в каждом отдельном случае; эта цель есть в каждом отдельном случае то или иное благо, а во всей природе вообще наилучшее» [1]. Таким образом, разум в античности не был превращен из средства в единственную цель. Величайшую опасность для разума философы видели в его самоизоляции, самодостаточности. Если разум не дополняется справедливостью и порядочностью, то он обречен.

В античности принципом измерения рациональности служит логос. Концептуальная основа античной рациональности основана на представлении о закономерной упорядоченности и единстве Космоса, его тождественности с логосом. Мир в античной философии представлялся в виде Космоса – органичного, разумно устроенного целого, подчиняющегося не только действующим, но и целевым причинам. Космос, понятый таким образом, не противопоставлялся человеку, наоборот, в нем античная рациональность обнаруживала человека как необходимый элемент. Человек выступает как часть всеобщего космического целого, в нем воплощены все общемировые силы и стихии. В космологической концепции Аристотеля мироздание представлялось в виде ограниченной в пространстве совокупности сфер, на которых неподвижно закреплены планеты и звезды. Видимое движение небесных тел объяснялось вращением этих сфер, которые, в свою очередь, приводятся в движение перводвигателем.

Затем аристотелевские представления о Космосе нашли отражение в учении Птолемея. Последнему принадлежит заслуга создания первой математической теории, описывающей движение Солнца, Луны и пяти известных тогда планет на видимом небосводе. Геоцентрическая система мира Аристотеля-Птолемея занимала господствующее положение в космологии не только поздней античности, но и Средневековья. Переход от античного язычества к христианству предполагал решительную переоценку ценностей, затрагивал основы отношения человека к другим людям и самому себе и породил совершенно новые социальные структуры. Этому перевороту сопутствовал выход на историческую арену новых народов. Однако основные категории культуры коренным образом не изменились. Возрождение тоже принципиально не изменило сущности рационализма. Его можно назвать логикориторическим, поскольку рефлексия обращена на мысль и на ее инобытие в слове, и дедуктивным, что предполагает гносеологическую и онтологическую первичность общего. Такой рационализм мог создать образ мира, который был логичен и непротиворечив и, в то же время, чувственно нагляден.

Главной чертой духовной культуры Средневековья является доминирование христианской религии, выступающей в качестве новой мировоззренческой опоры сознания. Тем не менее, основные характеристики рациональности, выработанные в античности, сохраняют свое значение и в это время. Философия и разум выступают в виде средств, ограничивающих христианскую религию изнутри. Теория двойственной истины, выдвинутая в позднем средневековье Сигером Брабантским, Уильямом Оккамом и др., пытается обосновать независимость разума от веры, а следовательно, и неприемлемость контроля с ее стороны. Дальнейшая история духовной культуры показала, что на самом деле не религия была освобождена от притязаний разума, а наоборот, разум стал неподзаконным и самодостаточным. Сама христианская религия, обосновав богоподобие человека, создала предпосылки для культивирования разума в качестве высшей ценности.

Средневековая «наука» выступает как осмысление авторитетных данных Библии, так как в схоластическом идеале разум нацелен на понимание Божественного замысла. Она ориентировалась не на причинное объяснение, а на установление иерархических связей между вещами, когда идет поиск прототипов земных вещей. Познание представлялось обнаружением связей между вещами и стоящей за ними высшей реальностью. Устранение средневековой «наукой» представлений о самозаконности мира было еще одной предпосылкой возникновения того образа мира, который был предложен в новоявленной науке.

Потребности хозяйствования, несмотря на превалирование христианской религии, побуждали изучать почвы, металлы, производить физические и химические опыты. Хотя культура Средневековья не знала науки в современном смысле, в ее недрах развивались такие специфические виды знания как астрология, магия, алхимия, ятрохимия. Их появление потребовало замены объяснения путем ссылки на авторитет объяснением через эксперимент. Это постепенно разрушило созерцательность, при-

сущую античной рациональности, и подготовило возможность перехода к опытной науке.

Средневековая культура противоречива, в ней сочетаются и отречение от мира и стремление к его насильственному преобразованию, и зависимость человека от социума и его христианская универсальность. Эта противоречивость явилась мощным импульсом развития, в ходе которого человек начинает обращаться к самому себе, а не к Богу. Для того чтобы это произошло, необходим был коренной переворот в мироощущении людей, который и произошел благодаря Возрождению и Реформации. Именно они знаменовали переход к Новому времени. «Отличительной чертой эпохи Возрождения явилось углубление индивидуалистических устремлений человека. В результате антропологического поворота мир предстает наполненным божественным смыслом, а человек – личностью, пытающейся осуществить себя. Если Возрождение определяет светский аспект процесса перехода к Новому времени, то Реформация – его религиозный аспект. Посредством преобразования христианской религии вносятся коррективы в сознание и мироощущение человека. Он получает свободу самостоятельного мышления, религиозную санкцию на автономность в суждениях и поступках. В протестантских идеях получил выражение новый тип личности с новым отношением к миру» [2].

Особый этап в развитии рациональности связан с выделением науки в самостоятельный вид человеческой деятельности. Здесь идея рациональности связывается, прежде всего с познавательной деятельностью, то есть смещается в гносеологическую плоскость. Таким образом, в Новое время рационализм не зарождается, а вопреки многим представлениям, возрождается как самодисциплина разума. При этом в европейской философии и культуре происходит утрата некоторых ценностей античной модели рационализма, к которым имеет смысл вернуться.

Первая научная революция в естествознании произошла в XVII веке и связана со становлением классической науки. Само ее возникновение сконцентрировало в себе глубокие преобразования человеческого интеллекта и рефлексивную переработку предшествующих форм сознания. По словам А. Койре, этот процесс можно охарактеризовать как «... наиболее революционный переворот, который совершил (или который претерпел) человеческий разум после изобретения Космоса древними греками. Эта революция была столь глубока, что в течение столетий люди – за редким исключением в лице, например Паскаля, – не сумели осознать ее значения и смысла; еще и сегодня она не осознается во всей своей полноте... Необходимо было реформировать структуры самого нашего разума, заново сформулировать и пересмотреть его понятия, представить бытие новым способом, выработать новое понятие познания, новое понятие науки – и даже изменить представляющуюся столь естественной точкой зрения здравого смысла другой, в корне от нее отличной. Это объясняет нам, почему открытие вещей, законов, которые сегодня представляются такими простыми и легкими, что становятся предметами школьного обучения, – законов движения, закона падения тел – потребовало столь длительного, столь мучительного, часто безрезультатного» [3].

татного напряжения сил таких величайших гениев человечества, как Галилей и Декарт» [5].

Эпоха Нового времени порождает современную техногенную цивилизацию, которой соответствует рационалистический тип европейского сознания. А. Ф. Лосев отмечает по этому поводу: «Новоевропейская культура – это буржуазно-капиталистическая культура, основанная на частном владении. На первом плане здесь выступает индивидуум, субъект и его власть, его самочувствие, его порождение всего объективного. Субъект стоит над объектом, человек объявлен царем природы» [6]. Важнейшим фактором эпохи становится наука, она входит в жизнь общества как особый социальный институт, естественное и необходимое условие функционирования общественного производства. Наука выступает в качестве носителя объективного, общезначимого для всех содержания сознания. Ее становление и вхождение в общественную жизнь завершили формирование рационализма как отличительной черты образа жизни и мысли Нового времени. Рационализм входил в массовое сознание и был в то время вполне совместим с христианской религией. Он обнаруживался, прежде всего, как преобладание здравого смысла над авторитаризмом и мистикой Средневековья.

Этап классической науки охватывает период с XVII до конца XIX века и связан, прежде всего, с деятельностью таких мыслителей как Г. Галилеи, И. Кеплер, И. Ньютон. Начало ее было положено в трудах Н. Коперника, создавшего новую, по сравнению с аристотелевско-птолемеевской, гелиоцентрическую систему мира. Благодаря творчеству этих ученых сформировалась классическая наука, долгое время считающаяся идеальным типом научной рациональности. Попытаемся суммировать ее основные принципы. Прежде всего, она постулирует стабильность и универсальность порядка природы. Человеческий разум как активный источник рациональной деятельности проникает в сущность мирового порядка при помощи таких же устойчивых и универсальных категорий мышления. При этом предметом науки являются законы, общие положения, обладающие абсолютностью и безусловной значимостью для всех. Такой образ науки был определен, прежде всего, ее основаниями. Идеалом науки было построение абсолютно истинной картины природы. Полагалось, что объективность и предметность познания достигаются лишь тогда, когда из их описания удаляется все, относящееся к субъекту и процедурам его познавательной деятельности, причем эти процедуры считались однажды данными и неизменными. Субъект познания трактовался как асоциальный и неисторичный. В соответствии с этим строилась картина мира, которая носила механистический характер. Она продуцировала образ линейного развития с жестко однозначной детерминацией.

В середине XIX века называют революционные преобразования в науке. Открытие теории относительности и квантовой механики, возникновение генетики, кибернетики, эволюционной космологии привело к становлению неклассического естествознания. Необходимо отметить также, что в середине XIX века происходит введение критериев инвариантности в социальное знание, требования рациональности уже касаются не только естество-

венных наук, но и гуманитарных. Все вышеперечисленные изменения обусловили возникновение принципиально нового, по сравнению с классическим, типа научной рациональности – неклассической рациональности. Переход к нему был обусловлен, таким образом, не только появлением новой предметной области исследований, но и трансформацией структур духовного производства в европейской культуре второй половины XIX – начала XX века. Неклассическая наука рождает новые представления о реальности. Становление неклассической рациональности, таким образом, привело к коренным изменениям оснований научного знания. В сфере идеалов и норм исследования происходит отказ от прямолинейного онтологизма и возникает понимание относительной истинности теорий и картин природы, выработанных на том или ином этапе естествознания. Допускается истинность нескольких, отличающихся друг от друга, конкретных теоретических описаний одной и той же реальности.

Возникает понимание того, что субъект познания детерминирован определенной научной традицией, а знание относительно по отношению к реальности и средствам познания. Происходит также утрата наглядности, поскольку становятся понятными концептуальная нагруженность фактов, и отказ от определенности (точности) в пользу прагматичности, инструментальности, эффективности.

Новые идеалы и нормы обеспечивали расширение поля исследуемых объектов. Возникла статистическая схема детерминации, позволяющая учитывать роль случайностей в процессах развития. На этапе неклассической науки были созданы предпосылки для построения целостной системы природы, в рамках которой прослеживалась иерархическая организация Вселенной как динамического единства.

Эти сдвиги сопровождалось формированием новых философских оснований науки. Субъект познания рассматривается как детерминированный окружающим миром, поэтому содержание наших знаний полагалось определенным не только устройством самой природы, но и способом постановки вопросов. Новую трактовку получил и объект познания. Он понимается не как тело, а как процесс, воспроизводящий устойчивые состояния. Важную роль при описании динамики системы начинает играть категории случайности, возможности и действительности.

Ценности научной рациональности не подвергались сомнению до последней трети XX века, пока цивилизация не столкнулась с глобальными проблемами, порожденными научно-техническим развитием. Среди них можно особо выделить проблемы выживания человечества, глобальные экологические проблемы и вызванная ими необходимость изменения отношения к окружающей среде, а также проблемы человеческих коммуникаций и отчуждения человека от порожденных им социальных; структур. Все эти проблемы носят мировоззренческий характер и адресованы, прежде всего, научной рациональности.

Все вышеперечисленные процессы не могли не сказаться на состоянии научной рациональности. Можно сказать, что в конце XX века начинается новый этап институционализации науки. В результате формируется новый исторический тип научной рациональности – постне-

---

классическая наука – который отличается от прежних как в предметно-методологических, так и в социально-мировоззренческих аспектах. На первый план выдвигаются междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследовательской деятельности. Объектами их анализа становятся сложные системы, характеризующиеся открытостью и историческим саморазвитием. Исторически развивающаяся система формирует с течением времени новые уровни своей организации, которые, воздействуя на все ранее возникшие, меняют связи и композиции их элементов. В результате междисциплинарных исследований усиливаются процессы взаимодействия принципов и картин реальности, формирующихся в различных науках. Они становятся взаимозависимыми фрагментами общенаучной картины мира. Укоренение парадигмы целостности в постнеклассической науке способствовало выдвиганию глобального взгляда на мир. Это приводит к сближению естественнонаучных и гуманитарных дисциплин, когнитивных и ценностных параметров знания.

В качестве парадигмальной теории постнеклассической науки выступает синергетика – теория самоорганизации, изучающей поведение открытых неравновесных систем. Вместе с синергетическим видением мира в науку входят такие понятия как неопределенность, стохастичность, хаос, бифуркация, диссипативные структуры и т. д., выражающие неравновесные характеристики действительности. Новым содержанием наполняются категории случайности и причинности. Можно сказать, что в современной науке происходит поворот от бытия к становлению.

Наиболее ценным достижением постнеклассической науки выступает предпринятая в ней попытка соединения объективного мира и мира человека. Гуманитарные и естественные науки больше не представляются разделенными непреодолимой пропастью.

Анализ исторических типов научной рациональности позволил выявить, что каждый из них применим к решению определенного типа задач, специфика которых определяется особенностями культурно-исторического этапа развития общества. В настоящее время в самой научной рациональности наблюдаются важные процессы, связанные с ее экологизацией и гуманитаризацией. Поэтому можно предположить, что она сможет выйти за рамки своего картезианского идеала, и будет развиваться в качестве основного элемента культуры. Общее значение науки будет зависеть от того, насколько она сможет быть эффективной для решения фундаментальных проблем человеческого общества, связанных с переходом к новой антропогенной цивилизации.

Примечания:

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Соч. в 4-х т. М., 1975.
2. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
3. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975.
4. Йолон П. Ф. Крымский С. Б., Парахонский Б. А. Рациональность в науке и культуре. Киев, 1989.
5. Койре А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М., 1985.
6. Лосев А.Ф. Дерзание духа. М., 1988.